

Небо оставалось хмурым. Несмотря на то что наступило время обеденного перерыва, грозовые тучи, словно неразбавленная густая тушь, тяжелыми слоями нависали над головами людей.

Чэнь Буи делил трапезу вместе с конвоирами. Таохуа же приходилось самой идти за жесткими, как камень, паровыми булочками.

Вдруг раздался крик, полный слез:

— Не смейте говорить гадости про сестрицу Фэйэр!

Услышав это, Чэнь Буи сразу понял, что это голос Таохуа, и, охваченный тревогой, поспешил на звук. По пути он слышал ядовитые пересуды.

— Ну ты и дурочка! Тебя продали, а ты еще и радуешься, что за тебя посчитали деньги! Если бы не эта женщина, разве стала бы ты, такая маленькая, жертвой насилия? — раздался резкий, едкий голос.

Другой голос подхватил:

— И то верно! Если бы она тогда достала побольше денег, те обезумевшие разбойники давно бы нас отпустили! А теперь она тут притворяется добренькой, корчит из себя святую!

Кто-то еще начал подстрекать:

— Именно! Сама ведь видела, что хороша собой, так нет же, не захотела вымазать лицо сажей, чтобы спрятаться. Вот и привлекла внимание этих зверей!

Перед лицом обвинений и проклятий толпы Таохуа уже заливалась слезами, но все равно изо всех сил пыталась возразить:

— Вы врете! Сестрица Фэйэр вовсе не такая!

Увы, она была в меньшинстве, и ее голос звучал так слабо и беспомощно.

Чэнь Буи смотрел на стоявших впереди людей. Ему было жаль их, но в то же время они вызывали отвращение. На его лице читалось нескрываемое разочарование. Правду говорят: человеческие сердца коварны. Как бы он ни пытался все исправить, в итоге заслужил лишь ненависть.

Чэнь Буи не считал себя спасителем мира, он лишь мог помогать по мере своих сил. Будучи бедным, заботясь о себе, будучи состоятельным — помогай всему миру. Сам он не имел сил даже на сопротивление, что уж говорить об остальном.

Чэнь Буи вытер слезы Таохуа, утешая ее, но как только собрался увести девочку, Сяо Юй

схватила его за руку.

К Сяо Юй Чэнь Буи испытывал еще больше сострадания. Она никогда не бросалась злыми словами и не строила козней за спиной, как другие. Она лишь молча терпела презрение и предвзятость, шаг за шагом загоняя себя на край пропасти.

— Почему ты тогда не притворилась кем-то другим! Почему не дала тем разбойникам больше денег? Почему ты так погубила нас! — эмоции Сяо Юй вспыхнули, подобно вулкану. Она больше не могла сдерживать kloкочущие внутри гнев и обиду и закричала во весь голос. Этот плач, казалось, пронзил небеса, заставив содрогнуться всю округу.

Чэнь Буи молча смотрел на эту почти сломленную женщину. В сердце было полно слов, но сейчас он не мог оправдаться.

За время пути они встретили бесчисленное множество бандитов и разбойников. Вэй Син не просто так предупреждал всех проявлять осторожность именно в лощине Лаоингоу. Разве причина была не очевидна? Как те люди могли просто так отпустить их с миром?

К тому же, он сам действительно выделялся, и даже попытка скрыть это вряд ли помогла бы. Более того, в той ситуации чем больше скрываешься, тем больше выдаешь свою неуверенность, что лишь делает врага наглее.

Что касается денег, то с древних времен богатство манит людей. Если предложить слишком большую сумму, это лишь разожжет жажду убийства в этих алчных тварях, а если слишком малую — не удовлетворит их аппетиты. Нужно было дать ровно столько, сколько требовалось.

Однако теперь, когда все зашло так далеко, какой толк в оправданиях? Будь то недопонимание Сяо Юй или порожденная им ненависть — все это уже не имело значения. Ведь как только они доберутся до Бэйляна и войдут в военный лагерь, их будет ждать лишь один исход — смерть.

— Чего разорались! Если не хотите отдыхать, так и скажите! Только потом на горе Цуйпиншань не нойте, что помираете и вам нужен привал! — Лао Цинь громко прикрикнул и свирепо взглянул на стоявших впереди людей.

После короткого шума отряд начал восхождение на гору Цуйпиншань.

Гора оправдывала свое название — она зеленела, словно огромная ширма, преграждающая путь к северу от города Линчэн. Склоны были крутыми и отвесными, горная тропа — узкой и извилистой: с одной стороны обрыв, с другой — скала. В обычное время здесь было приятно гулять, а с высоты открывался вид на весь Линчэн.

Раньше здесь расходились торговцы и путники, идущие с севера на юг. Но сейчас, в ледяную стужу, когда все сковано подмерзшим льдом, тропа стала скользкой и безлюдной.

Был полдень — время, когда лед становился самым тонким.

Двое молодых конвоиров привязали к подошвам ветки и пошли вперед, прокладывая путь отряду из сотни человек, растянувшемуся длинной вереницей.

Дорога была опасной. Чэнь Буи шел осторожно, то и дело поворачиваясь, чтобы поддержать Таохуа.

Вдруг раздался пронзительный визг, от которого у всех в отряде замерло сердце.

Кто-то поскользнулся! Идущие следом не успели увернуться и столкнулись. Чэнь Буи увидел, как чье-то тело скользит к краю. В попытке удержаться женщина вцепилась в него, увлекая за собой вниз.

Обрыв был не очень высоким — около десяти сажений, но внизу лежали острые скалы. Если упасть, шансов выжить не было.

Чэнь Буи судорожно пытался ухватиться хоть за что-то, но разве можно было поймать выступающий камень на краю обрыва? Его тело билось о скалы, голова была разбита, лицо в синяках.

Чэнь Буи уже решил, что это конец, как вдруг его тело ударилось о дерево, растущее прямо из склона.

Не обращая внимания на невыносимую боль, он изо всех сил вцепился в ствол и постарался замереть, прижавшись к дереву.

Только он успел перевести дух, как услышал треск веток. Оглядевшись, он увидел, что на ветвях выше висит женщина — это была Сяо Юй.

Ветки под ее весом жалобно скрипели, готовые вот-вот сломаться.

Сначала Сяо Юй крепко держалась за сучья, но вдруг, неизвестно почему, разжала руки, и ее тело снова начало падать.

В этот критический момент чьи-то руки намертво вцепились в ее запястья. Это Чэнь Буи, карабкаясь по стволу, успел схватить ее и изо всех сил потянул к себе.

Сяо Юй замерла на мгновение, а затем начала вырываться.

— Чэнь Фэй, отпусти меня! Я больше не могу так жить! Умоляю, не мешай мне! — Сяо Юй с

заплаканным лицом, пустыми глазами и полным отчаянием в голосе умоляла его.

Чэнь Буи нахмурился и решительно покачал головой. Он просто не мог позволить живой душе угаснуть у него на глазах, оставаясь в стороне.

Видя, что Чэнь Буи непреклонен, Сяо Юй пришла в неистовство. Она начала царапаться и бить его, пытаясь вырваться. Чэнь Буи поспешно освободил одну руку, чтобы крепче обхватить ствол и не дать им обоим сорваться, а вторую оставил на растерзание, позволяя ей оставлять глубокие кровавые полосы на коже.

Сяо Юй окончательно потеряла рассудок. Она колотила Чэнь Буи изо всех сил и кричала:

— Отпусти! Дай мне умереть! Смерть для меня — единственное избавление! Чэнь Фэй, отпусти! Ха-ха-ха... Я хочу умереть и хочу утянуть тебя с собой! Ты, дура, зачем ты меня спасаешь? Разве не знаешь, как сильно я тебя ненавижу? Даже если ты меня спасешь, я не буду тебе благодарна! Не надейся! Отпусти меня!

Но как бы Сяо Юй ни билась и ни проклинала его, Чэнь Буи ни на миг не разжал хватку. Однако ее рывки были слишком сильными, и хрупкая ветка не выдержала — раздался резкий хруст, и верхушка дерева обломилась.

Люди наверху закричали, закрывая глаза.

Вэй Син крикнул:

— Скорее! У кого есть пояса, снимайте, связывайте в веревку и кидайте вниз!

— Отпусти! Умоляю, отпусти меня! — Сяо Юй рыдала, слезы лились из ее глаз, как из прорванной плотины, а на некогда миловидном лице застыли пустота и отчаяние.

Чэнь Буи же упрямылся, как бык, и не разжимал рук. Его щеки налились кровью, на лбу вздулись вены, но в глазах светилась решимость. Он твердил про себя: нужно держаться, хотя бы еще одно мгновение — это даст шанс спасти Сяо Юй.

— Чэнь Фэй, ты безумный демон! Отпусти! Думаешь, спасением ты что-то докажешь? Ты просто законченная дрянь! Тебя покарают небеса, ты сдохнешь в муках! Сдохнешь! — Сяо Юй продолжала браниться, отчаянно пытаясь вырваться.

Вокруг царил хаос, сверху доносились крики и топот ног.

Чэнь Буи не обращал внимания ни на что, сосредоточившись лишь на Сяо Юй. Пронзительная боль в руках была такой, будто их разрывали на части, но он стиснул зубы, продолжая терпеть.

Неизвестно, сколько времени прошло, но конвоиры наконец общими усилиями вытащили их наверх.

Однако Сяо Юй, едва избежав гибели, не проявила ни капли радости. Она, словно живой труп, повалилась на землю, глядя в никуда пустыми глазами.

Когда все решили, что опасность миновала, произошло неожиданное: Сяо Юй внезапно, словно обезумев, бросилась на Чэнь Буи и впилась зубами ему в руку. Как бы окружающие ни пытались ее оттащить, она не разжимала челюстей. Вскоре из уголка ее рта потекла кровь, окрашивая бледные губы.

Чэнь Буи оцепенело смотрел на происходящее, его глаза наполнились влагой. Он начал сомневаться: быть может, он и правда ошибся? В этот миг его сердце погрузилось в пучину сомнений и боли.

Лао Цинь и Сяо Цзинь поспешили разжать челюсти Сяо Юй. Ее рот был весь в крови, она выглядела как разъяренный дух и сверлила Чэнь Буи ненавидящим взглядом:

— Почему не дала мне умереть! Почему!

<http://bllate.org/book/21263/2153546>